

А.М. Иванцов-Платонов

**К исследованиям о Фотие, Патриархе
Константинопольском, по поводу
совершившегося тысячелетия со времени
кончины его**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.М. Иванцов-Платонов**
К исследованиям о Фотие, Патриархе Константинопольском, по поводу совершившегося тысячелетия со времени кончины его / А.М. Иванцов-Платонов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 228 с.

ISBN 978-5-4241-7354-7

Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1892 года профессором, протоиереем А.М. Иванцовым-Платоновым. С приложениями.

ISBN 978-5-4241-7354-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ О ФОТІѢ, ПАТРІАРХѢ КОНСТАНТИ- НОПОЛЬСКОМЪ.

(По поводу совершившагося тысячелѣтія со времени его кончины).

„Φώτιος—τὸ μέγα ὄνομα“.

*Слова новогреческаго писателя Константина Иконо-
моса въ сборникъ новогреческаго же писателя Валетты:*
„Φωτίου Ἐπιστολαί“. London. 1864. Προλεγόμενα, σελ. 108.

„Ὁ Φώτιος ἔσωσε τὴν Ὁρθοδοξίαν καὶ τὸ ἔθνος ἐκ τῆς προχει-
μένης ἀβύσσου“.

*Слова Христофора Зампелія— въ томъ же сборникъ
Валетты, σελ. 112.*

„Benedictus Deus, quod optima fama sanctissimi Photii pa-
triarchae non solum in nostram regionem, sed etiam in uni-
versam orbem pervenit, non tantum sermonibus confirmata,
quantum factis attigit fines terrae...; idque testantur non ii so-
lum, qui linguam graecam profitentur, sed ipsum etiam barba-
ricum et agreste genus, non esse similem ei sapientia et sci-
entia, neque commiseratione ac largitione in pauperes, neque
benignitate et humilitate, et quod semper facta ejus plura sunt,
quam dicuntur“.

*Слова римскихъ легатовъ на константинопольскомъ
соборѣ, держанномъ Фотіемъ въ 879—880 г. Harduini
Acta Conciliorum. Tomus VI, pars I, pag. 339.*

„In ihm (Photius) ist mehr, als eine einzelne Persönlichkeit, eine ganze Nationalität, ein Princip, eine Idee, wie in wenigen Anderen, vertreten... Er ist der begabteste und tüchtigste Repräsentant eines Geistes—und—Lebensrichtung, die lange vor ihm im oströmischen Reiche die höhern und die niederen Schichten durchdrang, die in ihm bereits kulminirte und seitdem nur immermehr sich befestigt, unter steigendem äusseren Elend in weit grösseren Dimensionen sich ausgebreitet hat“.

Слова замѣчательнѣйшаго изъ западныхъ писателей о Фотіи—профессора (потомъ кардинала) Геркенретеха въ изсѣдованіи его „Photius Patriarch von Constanti-nopel“. Rogensburg. 1867—1869. Vorwort., S. III—IV.

„Первая страница русской исторіи, и самая достовѣрная была написана знаменитымъ цареградскимъ патріархомъ Фотіемъ въ его окружной грамотѣ къ восточнымъ святителямъ, гдѣ строгая и точная правда каждаго слова служила ручательствомъ святой истины дѣла... Патріархъ Фотій справедливо считается свѣтиломъ учености и образованности... Во все продолженіе существованія греческаго царства, отъ Юстиніана до паденія Византіи, никто не принесъ столько услугъ наукамъ, какъ патріархъ Фотій. При немъ положено начало и славянской образованности въ переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Славянскій первоучитель — св. Кирилль былъ ученикомъ Фотія“.

Слова русскаго историка И. Е. Забѣлина въ его „Исторіи русской жизни“, Москва. 1879 г., ч. II, стр. 1—2.

„Пока живъ въ челоѣчествѣ научный интересъ, пока не угасло любопытство и стремленіе къ самопознанію,—имя Фотія будетъ бессмертно потому, что въ его богословскихъ и философскихъ сочиненіяхъ нашли себѣ завершеніе классическія традиціи, и въ первый разъ выраженъ культурный идеаль новаго періода византійскаго. Пока раздается на югѣ и востокѣ Европы славянская рѣчь, имени Фотія не суждено умереть между нами, ибо по его почину мы пользуемся благами культуры и церковной свободы“.

Изъ рѣчи профессора Ф. И. Успенскаго, сказанной въ публичномъ засѣданіи Одесскаго историко-филологическаго общества 6-го февраля 1891 г. и напечатанной въ журналѣ „Помощь самообразованію“. Саратовъ, 1891 г., № 3.

„Фотій — нашъ первый историкъ, первый витія, первый другъ... Вѣчная память сему боголюбивѣйшему святителю, сказавшему первое справедливое слово о Россахъ и положившему начало обращенію ихъ къ Христу Спасителю. Вѣчная память! „Αἰώνια ἡ μνήμη“.

Слова преосвященнаго Порфирія Успенскаго (доктора славянской словесности) въ его статьѣ „Тысячелѣтіе первой славы російскаго государства“: Духовная Бельда, 1864 г., № 20, стр. 51.

I.

Вступленіе.—Предметъ и задачи изслѣдованія.

Я предложу высокопросвѣщенному собранію рѣчь о великомъ святителѣ, тысячелѣтняя память котораго была скромно, даже слишкомъ скромно, воспоминаема на православномъ востокѣ — въ греческой и русской церквахъ—6-го февраля прошлаго 1891 года. Я буду говорить о константинопольскомъ патріархѣ Фотіѣ, котораго восточные христіане чтутъ, какъ охранителя древняго православія отъ искаженій средневѣковаго латинства и защитника самостоятельности восточной церкви отъ притязаній папства, — котораго въ частности православные греки считаютъ величайшимъ представителемъ своего національнаго генія въ средніе вѣка, а мы русскіе ведемъ отъ него начало нашей исторіи и вмѣстѣ съ другими славянскими православными племенами почитаемъ его начало-вождемъ христіанскаго просвѣщенія нашего.

Я не буду ни раскрывать послѣдовательно исторію жизни патріарха Фотія, ни вдаваться подробно въ разсмотрѣніе историческаго значенія его личности и дѣятельности. Это—задача слишкомъ широкая и сложная; можетъ быть, она была бы и не въ мѣру нашимъ слабѣющимъ силамъ и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовала бы тѣмъ предѣламъ времени и другимъ условіямъ, какими мы здѣсь можемъ пользоваться. При томъ, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но на самомъ дѣлѣ такъ:—хотя со времени кончины патріарха Фотія протекла уже тысяча лѣтъ, однако же для твердыхъ сужденій о немъ и теперь еще не приспѣло время. Для исторіи Фотія имѣется громадная масса матеріала, но этотъ матеріалъ до крайности затемненъ и перепутанъ; о Фотіѣ писано множество изслѣдованій, но самая почва въ этихъ изслѣдованіяхъ остается еще слишкомъ зыбкою, засорен-

ною разными предубѣжденіями и искаженіями; приемы для изслѣдованія самые тенденціозные и искусственные: потому и въ выводахъ крайній произволъ и противорѣчія. При такомъ положеніи дѣла наиболѣе твердою задачей науки относительно Фотія, по нашему убѣжденію, остается—получше разобраться въ матеріалѣ, освѣтить поле для правильнаго изслѣдованія, по возможности расчистить почву отъ предубѣжденій и искаженій, установить твердые научные приемы изслѣдованія или, по крайней мѣрѣ, устранить ложные, искусственные, путающіе дѣло. Вотъ эту-то задачу мы и постараемся имѣть въ виду.—на сколько то позволятъ наши силы, знанія и всякія внѣшнія условія.—въ настоящей рѣчи и слѣдующихъ за нею приложеніяхъ ¹⁾).

II.

Разборъ источниковъ для исторіи Фотія. — Сообщенія ближайшихъ къ нему по времени писателей—греческихъ и латинскихъ.

Прежде всего нужно разобрать первоначальные источники для исторіи Фотія, оцѣнить ихъ историческое значеніе и выяснитъ взаимныя отношенія между ними. Это требуется во всякомъ серьезномъ историческомъ трудѣ, и въ особенности въ изслѣдованіи исторіи Фотія, такъ какъ здѣсь дѣло представляется искаженнымъ и запутаннымъ въ самыхъ источникахъ. Между тѣмъ въ западныхъ литературахъ этотъ вопросъ иными изслѣдователями какъ-будто намѣренно устраняется и затемняется, а другими возбуждается, но оставляется нерѣшеннымъ; у восточныхъ же писателей—греческихъ и русскихъ—есть довольно смѣлая и твердая попытка постановки этого вопроса, но неполная, не доведенная до конца ²⁾).

Изложеніе Фотіевой исторіи не только у западныхъ писателей — католическихъ и протестантскихъ, но въ значительной степени и у нашихъ православныхъ представляетъ ту особенность, что въ основаніе ея полагаются свѣдѣнія и сужденія лицъ, явно пристрастныхъ и прямо враждебныхъ къ Фотію. Научно ли это, справедливо ли это?

До насъ сохранилось довольно свѣдѣній о патриархѣ Фотіѣ отъ его соотечественниковъ — византійскихъ грековъ, современныхъ ему или жившихъ въ близкое къ нему время, но проникнутыхъ крайне враждебнымъ отношеніемъ къ нему и старавшихся всячески чернить его. Это — или лица, принадлежавшія къ оппозиціонной Фотію церковно-іерархической партіи въ Константинополѣ и ведшія съ нимъ фанатическую борьбу въ теченіе многихъ лѣтъ ³⁾),—или лица, писав-

шія въ угоду тогдашнему византійскому правительству македонской династіи, которое имѣло свои причины превратно представлять нѣкоторые факты Фотіевой исторіи ⁴⁾),—или просто фанатики и обскуранты, не могшіе сочувствовать просвѣщеннымъ взглядамъ и стремленіямъ Фотія ⁵⁾),—или лица, проникнутыя папистическими тенденціями, первымъ и самымъ сильнымъ противникомъ которыхъ является въ исторіи патріархъ Фотій ⁶⁾), а это—величайшее преступленіе, котораго, по мнѣнію папистовъ, не могутъ покрыть никакія знанія, никакія добродѣтели, никакое благочестіе ⁷⁾). Большею частію все эти черты сливаются и отражаются у писателей, враждебныхъ Фотію,—только у иныхъ преобладаютъ однѣ, у другихъ другія.

Къ первой категоріи біографовъ Фотія принадлежатъ три писателя, не только примыкавшіе къ враждебной Фотію церковно-іерархической партіи, но стоявшіе во главѣ ея и въ теченіе многихъ лѣтъ руководившіе борьбою этой партіи противъ Фотія.

1) Θεогностъ, архимандритъ изъ студійскаго монастыря, по низложеніи предшественника Фотіева патріарха Игнатія и возведеніи на его престоль Фотія, бѣжавшій въ Римъ и тамъ въ 862 году представившій отъ имени Игнатія и его приверженцевъ доносъ на Фотія въ неправильномъ будто-бы захватѣ патріаршаго престола и въ преслѣдованіяхъ, воздвигнутыхъ на Игнатія и приверженцевъ его, не хотѣвшихъ подчиниться новому патріарху. Этотъ доносъ принимается, какъ первый источникъ свѣдѣній о начальныхъ годахъ патріаршества Фотіева ⁸⁾).

2) Митрофанъ, митрополитъ смиренскій, одинъ изъ главныхъ вождей оппозиціонной Фотію партіи, едва-ли не мечтавшій самъ по низложеніи Игнатія быть на мѣстѣ, занятомъ Фотіемъ; потомъ выступившій противъ него однимъ изъ выдающихся обвинителей и судей на константинопольскомъ соборѣ 869 года, на которомъ, какъ извѣстно, положены были Фотію порицанія и проклятія, изумляющія своимъ фанатизмомъ и кощунствомъ. Его письмо какому-то патрицію Мануилу, спрашивавшему Митрофана о причинахъ низложенія Фотія на соборѣ 869 года, письмо, представленное потомъ въ Римъ вмѣстѣ съ актами означеннаго собора, излагаетъ, съ своей конечно точки зрѣнія, факты вступленія Фотія на престоль и его перваго управленія константинопольскою церковью ⁹⁾).

3) Стиліанъ, митрополитъ неокесарійскій. Это—самый закоснѣлый изъ враговъ Фотія, вмѣстѣ съ Митрофаномъ выступившій противъ него при самомъ восшествіи Фотія на патріаршій престоль въ 858 году и ведшій съ нимъ ожесточенную борьбу до вторичнаго уда-

ленія Фотія отъ патріаршества въ 886 году. По удаленіи Фотія императоромъ Львомъ, Стилианъ, какъ глава враждебной Фотію партіи, явился по порученію императора посредникомъ къ восстановленію сношеній съ римскою церковію, прервавшихся при Фотіѣ, цѣною опозоренія памяти Фотія, — и его письмо, писанное по этому поводу къ папѣ Стефану и наполненное самыми изувѣрными инсинуаціями противъ Фотія, принимается по преимуществу за источникъ свѣдѣній для исторіи Фотія послѣ 869 года ¹⁰⁾.

Стѣдуетъ, между прочимъ, обратить вниманіе и на то, что все три означенныя писанія предназначались главнымъ образомъ для Рима и поэтому должны были приспособляться къ воззрѣніямъ и тенденціямъ, распространеннымъ тогда въ Римѣ. И дѣйствительно, все они, особенно донесеніе Θεогноста и письмо Стилиана, до такой степени наполнены папистическими воззрѣніями и даже выраженіями, что ихъ нельзя усвоить не только всей восточной церкви, но даже и той партіи въ ней, отъ имени которой они представлялись въ Римъ ¹¹⁾.

За главными вождями анти-Фотіевой партіи слѣдуютъ ихъ ученики, проникнутые тѣми же воззрѣніями, воспитавшіеся въ духѣ того же фанатизма и даже иногда превосходящіе въ немъ своихъ учителей. Отъ нихъ осталось намъ также нѣсколько сказаній о Фотіѣ. Самое выдающееся изъ нихъ—повѣствованіе Никиты Пафлагонянина, совмѣщающее показанія Θεогноста, Митрофана и Стилиана, хотя съ нѣкоторыми уклоненіями отъ нихъ и съ присоединеніемъ множества странныхъ вымысловъ и басней, заимствованныхъ, вѣроятно, изъ разказовъ невѣжественной толпы, а можетъ быть и намѣренно сочиненныхъ въ той средѣ, въ которой воспитался авторъ ¹²⁾. Къ особенностямъ его разказа сравнительно съ предшествовавшими относится еще то, что авторъ принадлежалъ къ той школѣ средневѣковыхъ византійскихъ агіологовъ-легендаристовъ, которая не знала мѣры ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ описываемымъ лицамъ, и у которой основнымъ приемомъ повѣствованія было употребленіе антитезы, то-есть: восхваленіе чтимыхъ личностей чрезъ униженіе и опозореніе другихъ, имъ противопоставляемыхъ. Такой именно приемъ примѣняется Никитою къ личностямъ патріарховъ Игнатія и Фотія. Никита собственно желаетъ восхвалить жизнь и подвиги блаженнаго Игнатія и восхваляетъ ихъ иногда довольно неумѣло ¹³⁾. Но главнымъ образомъ повѣствованіе Никиты относится не къ Игнатію, а къ Фотію, котораго Никита старается представить и честолюбцемъ, и интриганомъ, и деспотомъ, и человекомъ, способнымъ на всевоз-

возможные обманы и преступления, хотя при этомъ онъ же невольнo проговаривается, что Фотій обладалъ очень большими достоинствами и заслугами. Повѣствованіе Никиты написано живо и красно, по крайней мѣрѣ — въ риторическомъ смыслѣ, съ видимою прямою и искренностью, но въ немъ находится не мало слѣдовъ намѣреннаго извращенія фактовъ.

За Никитою ближайшимъ образомъ слѣдуютъ: авторъ другого сокращеннаго панегирика патріарху Игнатію — монахъ Михаилъ и излагатель жизнеописанія находившагося во враждѣ съ Фотіемъ игумена студійскаго Николая. Сюда же, и отчасти къ Стилиану, примыкаютъ авторы двухъ безыменныхъ пасквилей на Фотія, изъ которыхъ одинъ писанъ былъ послѣ того, какъ Фотій на соборѣ 879 года успѣлъ возстановить церковное общеніе и съ римскимъ папою Іоанномъ VIII и съ большею частію игнатіевыхъ приверженцевъ, а другою уже послѣ смерти Фотія. Эти пасквили въ передачѣ фактовъ всего болѣе держатся на почвѣ Стилианова повѣствованія съ тою лишь разницей, что авторъ перваго пасквиля даже и римскую церковь въ лицѣ папы Іоанна VIII упрекаетъ за вѣроломно-снисходительное отношеніе къ Фотію, а второй порицаетъ за такое же снисхожденіе къ партіи Фотія и самаго Стилиана ¹⁴).

Другую группу писателей, также (хотя и въ меньшей степени) неблагоприятно относящихся къ Фотію, представляютъ византійскіе государственные историки, описывавшіе царствованія императоровъ македонской династіи ¹⁵). Во главѣ ихъ стоитъ порфирородный лѣтописецъ Константинъ, внукъ Василія Македонскаго, послѣ Фотія едва ли не самый ученѣйшій писатель той эпохи ¹⁶). Онъ желалъ воздвигнуть памятникъ дѣду и родоначальнику своей династіи: поэтому понятно, что составленная имъ біографія Василія Македонскаго представляетъ собственно панегирикъ, въ которомъ тенденціозно выставляются на первый планъ всѣ свѣтлыя и оставляются въ тѣни, или и совсѣмъ обходятся молчаніемъ, темныя стороны личнаго характера и царствованія перваго государя македонской династіи, ознаменовавшаго себя и славными дѣяніями и позорнѣйшими преступлениями. О патріархѣ Фотіѣ, помимо обстоятельствъ перваго возведенія его на патріаршій престолъ, Константинъ Порфирородный отзывается съ большимъ уваженіемъ, но очень сдержанно. Онъ называетъ его человекомъ мудрѣйшимъ (σοφώτατος), говоритъ, что и дѣдъ его императоръ Василій чтилъ въ Фотіѣ всякаго рода мудрость и добродѣтель (τιμῶν διὰ τὴν ἐν αὐτῷ παντοδαπὴν σοφίαν τε καὶ ἀρετήν), но долженъ былъ

временно устранить его отъ престола. дабы утишить возникшій изъ за него мятежь церковный, послѣ же законно и канонически возвратилъ церкви, поселивъ его въ своемъ царскомъ дворцѣ и сдѣлавъ воспитателемъ своихъ дѣтей ¹⁷). Но такъ какъ при этомъ порфирородный историкъ, дабы оправдать своего дѣда въ преступной узурпации и въ убійствѣ предшествовавшихъ правителей Византіи—кесаря Варды и императора Михаила III, старается всячески очернить того и другаго, представляя Варду крайнимъ честолюбцемъ, деспотомъ, злоумышленникомъ, а Михаила государемъ совершенно ни на что неспособнымъ, еще съ десяти лѣтъ развращеннымъ, пьянымъ кошунникомъ, непочтительнымъ къ матери, совершенно небрежшимъ о благѣ имперіи (при чемъ Василій Македонскій по справедливости и по особеннымъ предназначеніямъ промысла Божія является у внука-панегириста избавителемъ имперіи отъ такихъ гнусныхъ тирановъ): то при этомъ сами собою бросаются мрачныя тѣни и на патріарха Фотія, выдвинувшагося при Вардѣ и Михаилѣ и находившагося къ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ ¹⁸).

Въ тонѣ и направленіи, данномъ Порфиророднымъ, пишутъ и другіе современные ему и по его порученію составлявшіе свои рассказы византійскіе хронографисты—анонимный продолжатель лѣтописи Теофана (*Theophanis continuator*) и Иосифъ Генезій. Но у нихъ уже нѣтъ разумѣнія и сдержанности Порфиророднаго. Стараясь всячески восхвалить первыхъ государей македонской династіи и опозорить послѣднихъ представителей низвергнутой ею амморейской, они наполняютъ свои рассказы крайне сомнительными и пустыми анекдотами, росписывая такіе анекдоты не только про Варду и Михаила, но и про поставленнаго при нихъ патріарха Фотія ¹⁹).

Между другими византійскими лѣтописцами той эпохи, писавшими болѣе независимо отъ вліяній школы Порфиророднаго, по отношенію къ личности патріарха Фотія замѣчается нѣкоторое различіе. У Симеона магистра нелѣпое и несправедливое отношеніе къ Фотію достигаетъ апогея. Это по истинѣ такой писатель, у котораго страсть придворнаго лѣтописца къ собиранію мелкихъ и грязныхъ сплетней сочетается съ напыщеннымъ фанатизмомъ агіолога-легендариста, злостное отношеніе къ Фотію его личныхъ враговъ, Митрофана и Стилиана, съ суевѣріемъ и невѣжествомъ Никиты Пафлагонскаго ²⁰). У Георгія монаха, или точнѣе у продолжателя его хроники, замѣчается болѣе мягкое отношеніе къ Фотію. Это самый безпристрастный изъ повѣствователей той эпохи, и его сообщенія о Фотіѣ тѣмъ

болѣ имѣють цѣну, что онъ между византійскими лѣтописцами самый близкій ко времени Фотія. Но эти сообщенія, краткія и сухія, въ иныхъ мѣстахъ неясныя, не могутъ дать достаточного противовѣса многочисленнымъ показаніямъ другихъ писателей, клеветавшихъ на Фотія по особымъ видамъ и тенденціямъ ²¹⁾.

Къ указаннымъ греческимъ описателямъ дѣяній Фотія примыкаетъ еще одинъ латинскій писатель, отъ котораго, повидимому, мы могли бы ожидать болѣе осмысленныхъ и безпристрастныхъ свѣдѣній. Это — Анастасій, бібліотекаръ римской церкви, человѣкъ умный, образованный, на мѣстѣ въ Константинополѣ собиравшій свѣдѣнія о Фотіѣ и въ качествѣ посла германскаго императора Людовика къ Византійскому Василю Македонскому бывший ¹ свидѣтелемъ суда надъ Фотіемъ на соборѣ 869 года. Вотъ эти-то свѣдѣнія и изложилъ онъ въ видѣ предисловія къ переведеннымъ или передѣланнымъ имъ актамъ собора 869 года для представленія папѣ Адріану II ²²⁾. Но одно это назначеніе его труда—представить дѣло Фотія въ такомъ видѣ, чтобы это было согласно съ мнѣніями собора 869 года и чтобы это могло понравиться папскому двору,—заставляетъ осторожно относиться къ его показаніямъ. И если это тотъ-же Анастасій, которому приписывается панегирикъ злѣйшему врагу Фотія — папѣ Николаю I-му ²³⁾, если это тотъ-же Анастасій, котораго только что передъ помянутымъ константинопольскимъ соборомъ судили въ Римѣ за убійство, грабежи и подлоги, и если самая миссія его къ двору германскаго императора и затѣмъ въ Константинополь была устроена для того, чтобы дать ему возможность очистить себя отъ положенныхъ на него римскимъ соборомъ обвиненій ²⁴⁾: то тѣмъ болѣе, конечно, нужно относиться осторожно къ сообщаемымъ отъ него свѣдѣніямъ ²⁵⁾. Въ своемъ описаніи, повторяя многія басни, распространенныя о Фотіѣ его константинопольскими противниками, и присоединяя къ нимъ нѣкоторыя собственныя измышленія въ томъ-же родѣ, Анастасій старается показать видъ сдержанности и безпристрастія, не скрываетъ нѣкоторыхъ лучшихъ сторонъ въ личности и жизни Фотія, намекаетъ на иные такіе факты, которые совершенно не мирятся съ показаніями другихъ писателей противной Фотію партіи: но при всемъ томъ общій тонъ его повѣствованія по отношенію къ Фотію злостный — непріязненный, не уступающій въ иныхъ мѣстахъ повѣствованіямъ Никиты и Симеона и доносамъ Θεогноста и Стиліана ²⁶⁾.

Да позволено будетъ спросить серьезныхъ историковъ и ученыхъ юристовъ, здѣсь присутствующихъ, можно ли въ сужденіяхъ и при-

говорахъ о комъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе о великомъ историческомъ дѣятелѣ, полагать въ основу свидѣтельства лицъ, явно пристрастныхъ и крайне враждебныхъ къ нему, — притомъ такихъ лицъ, которыя и по нравственнымъ качествамъ, и по умственному уровню не способны даже и понимать того великаго историческаго дѣятеля, котораго берутся судить?...

III.

Внутреннее содержаніе и характеръ извѣстныхъ повѣствованій о Фотіѣ, враждебныхъ ему. — Разборъ главныхъ обвиненій, направляемыхъ на Фотія. — Противорѣчія въ показаніяхъ враждебныхъ ему писателей. — Разсмотрѣніе обстоятельствъ перваго и втораго избранія Фотія на патриаршество, и перваго и втораго удаленія его отъ патриаршества.

Вникнемъ нѣсколько ближе въ содержаніе враждебныхъ Фотію повѣствованій. Прежде всего мы встрѣчаемъ въ нихъ такіе разказы, которые сами по себѣ, по своей странности и нелѣпости, возбуждаютъ недоумѣніе, разказы крайне баснословные и суевѣрные, которые могутъ характеризовать не лицо, котораго они касаются, то-есть, не патриарха Фотія, а развѣ лишь самихъ изобрѣтателей и распространителей этихъ разказовъ, какъ невѣждъ, суевѣровъ и фанатиковъ. Желая очернить память Фотія, нѣкоторые изъ разказчиковъ стараются опозорить самый родъ его: отецъ его будто бы былъ сынъ язычника (это въ IX вѣкѣ въ семьѣ, близкой къ византійскому царскому двору), мать — монашенка, нарушившая свой обѣтъ, бѣжавшая изъ монастыря. Между тѣмъ изъ другихъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что Фотій происходилъ не только изъ знатнаго, но честнаго и благочестиваго рода: св. патриархъ Тарасій, предсѣдатель VII вселенскаго собора, былъ его дѣдъ по матери; родители терпѣли преслѣдованіе за православіе во времена иконоборчества; черезъ дядю и брата онъ находился въ ближайшемъ родствѣ съ императрицей Θεодорой, возстановительницей иконопочитанія ²⁷). Далѣе повѣствуется, что, когда его мать еще была беременна, она видѣла во снѣ, будто чрево ея разорвалось, и изъ него вышелъ драконъ. Одинъ подвижникъ (Иларіонъ Далматскій) прямо и предсказалъ ей, что она родитъ воплощеннаго сатану; другой (Михаилъ Синнадскій) хотѣлъ поразить жезломъ находящагося во чревѣ ея младенца, предвидя, что онъ будетъ великій нечестивецъ, который различными обманами и обольщеніями многихъ увлечетъ въ крестопопрательство и лишитъ царства небеснаго. Самъ